

УДК 82.09

ПОСТМОДЕРНИЗМ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Байбатырова Н.М.

Астраханский государственный университет, Астрахань, e-mail: aulova83@mail.ru

Статья посвящена анализу особенностей постмодернизма в публицистическом творчестве писателей «третьей волны» русской эмиграции. В литературе русского зарубежья постмодернизм был представлен художественными феноменами, которые изначально в СССР получили названия «авангардизм», «соц-арт», «концептуализм». Автор отмечает, что для художественной публицистики писателей-постмодернистов русского зарубежья характерен экзистенциальный фатализм, который утверждает невластие человека над собственной сутью и судьбой. Постмодернистская публицистика осуществляла установку воздействия на сознание в крайних формах. Постмодернизм в творчестве писателей русского зарубежья охарактеризовался размытием не только географических и культурных границ, но и границ нормы, истины, идеала. Исследуется постмодерная эстетика А.Д. Синявского (Абрама Терца) в литературно-критической книге «Прогулки с Пушкиным», его публицистических статьях «Анекдот в анекдоте», «Отечество. Блатная песня», а также публицистике Саши Соколова, Э. Лимонова периода эмиграции.

Ключевые слова: публицистика, русское зарубежье, «третья волна» эмиграции, постмодернизм, натурализм, творческая эстетика, экзистенциальный фатализм, «пограничная ситуация»

POSTMODERNISM IN PUBLICISM OF WRITERS OF THE RUSSIAN ABROAD OF THE SECOND HALF OF XX CENTURY

Baybatyrova N.M.

Astrakhan State University, Astrakhan, e-mail: aulova83@mail.ru

The article is devoted to the analysis of peculiarities of postmodernism in publicistic creativity of writers of the «third wave» of the Russian emigration. In the literature of the Russian abroad postmodernism was presented by art phenomena, which initially in the USSR received the names an avngardizm, Sots-Art, conceptualism. The author notes that for art journalism of writers-postmodernists of the Russian abroad is characterized existential fatalism which approves powerlessness of the person over his own essence and destiny. The postmodern journalism carried out the installation of the impact on the consciousness in extreme forms. The postmodernism in creativity of writers of the Russian abroad was characterized by diffusion of not only geographical and cultural boundaries, but also limits of the norm, the truth, the ideal. Examines the postmodern aesthetic of A.D. Sinyavsky (Abram Terts) in the literary-critical book «Walks with Pushkin», his journalistic articles «Anecdote in the anecdote», «The Fatherland. Criminal song», and also Sascha Sokolov's and E. Limonov's journalism of the period of emigration.

Keywords: journalism, Russian abroad, «the third wave» emigrations, postmodernism, naturalism, creative esthetics, existential fatalism, «a boundary situation»

Термин «постмодернизм» объединяет самые разные культурные процессы, причем его концептуальная основа не имеет единого ценностного центра. Представителям русского зарубежья, покинувшим родину во второй половине XX века и выбравшим жизнь и творчество в условиях инокультурной, а подчас поликультурной действительности, постмодернизм, соединяющий несоединимое, объединяющий события и факты по принципу ассоциации, стал близок по нескольким причинам.

Мировоззренческой основой писателей постмодернизма русского зарубежья стало глубокое разочарование в идеологии исторического прогресса в СССР и Европе. Философия постмодернизма русского зарубежья исходила из установки, что именно ориентация на абсолюты воспроизвела тоталитарную структуру советского государства и тоталитарное сознание. Культурно-идеологический эклектизм оказался созвучен представителям писательской эмиграции «третьей волны», поскольку это был своеобразный протест против царившего в по-

кинутом Союзе соцреализма. Кроме того, существовало острое желание отделить себя от представителей старой эмиграции. В качестве основы для творчества русские писатели за рубежом взяли характерные для постмодернизма критическое отношение к идеологиям и утопиям, внимание к маргинальным и даже фрикковым социальным группам, стремление синтезировать искусство и массовую культуру. Постмодернистская литература писателей русского зарубежья достаточно изучена, однако публицистике постмодернистской направленности не уделено ранее должного внимания. Между тем в публицистическом творчестве А.Д. Синявского, Саши Соколова, Э. Лимонова постмодернистские черты проявляются в полной мере.

Русское слово «постмодернизм» воспринимается прежде всего как «после модернизма», как «поставангард». Исследователь В. Курицын считает, что «термин «постмодернизм» достаточно неудачен, но вряд ли стоит отказываться от слова, давно и прочно обосновавшегося в нашей лите-

ратуре» [2, С. 9]. С этой точки зрения корректнее говорить не о постмодернизме, а о ситуации постмодернизма в литературе и публицистике русского зарубежья. Философия постмодернизма русского зарубежья исходила из установки, что именно ориентация на абсолют воспроизвела тоталитарную структуру советского государства и тоталитарное сознание. Постмодернизм в публицистике писателей-эмигрантов охарактеризовался фиксацией и анализом крушения базовых ценностей коммунизма и социализма, эффектом исчезновения покинутой советской реальности. Новый мир воспринимался писателями русского зарубежья как огромный многоуровневый и многозначный текст. Постмодернистский текст публицистики русского зарубежья второй половины XX века апеллирует к различным типам потребителя: с одной стороны – «элите» и «массе», с другой – западному читателю и русскоязычной аудитории. В фирменных жанрах постмодернизма очень внятно прослеживается отношение между субъектом и объектом. Художник одновременно и автор, и персонаж, читатель также не только потребляет, но и творит, преобразует текст. Используя авторские маски, писатели-постмодернисты создают собственные их модификации: эрудит Синявский – бандит Абрам Терц, эстет Саша Соколов – его инфантильные и сумасшедшие герои.

Авангардизм и постмодернизм сложились в рядах писателей «третьей волны» эмиграции как неофициальная культура интеллигенции. Авторы русского зарубежья постмодернизмом стали именовать те художественные феномены, которые изначально в СССР получили название «соц-арт», «концептуализм» «поп-арт», или близкие им по типу. Появились «географически» разные модификации русского зарубежного постмодернизма. Русская зарубежная проза «третьей волны» при безусловной погруженности в западную культуру усваивает её опыт по-разному в условиях европейской, американской, израильской действительности. В искусстве постмодернизма популярны «второстепенные» жанры: дневники, словари, примечания, комментарии, письма. В постмодернистской модели мира нет категории истины, как и категории идеала. «Постмодернизм – опыт непрерывного знакового обмена, взаимопровокаций и перекодировок. Этим вполне объясняется пресловутая постмодернистская центонность и интертекстуальность: постоянный обмен смыслами стирает различия между «своим» и «чужим» словом, введенный в ситуацию обмена знак становится потенциальной

принадлежностью любого участника обмена», – пишет В. Курицын [2, С. 37]. Постмодернистский текст практически не имеет границ: его интерес к контексту настолько велик, что очень трудно понять, где заканчивается «произведение» и начинается «ситуация». Центр тяжести текста все чаще находится за пределами текста. Постмодернизм – состояние стабилизированного хаоса. В целом для писателей русского зарубежья стали актуальны тенденции западного постмодернизма: игровое и фарсовое начало, пастиш, интертекст, синтез элитарной культуры с массовой и фрикковой, новые жанры. Эти модусы постмодернистского искусства приобрели новый вид в произведениях А.Д. Синявского, Саши Соколова, Э. Лимонова.

В творчестве А.Д. Синявского экзистенциальное и постмодерное незаметно перетекают друг в друга. Автобиографические книги А.Д. Синявского «Мысли врасплох» и «Голос из хора» – это позднее зарождение советского постмодернизма. Экзистенциализм А.Д. Синявского окрашен национально и религиозно. Человеческое «Я» обречено, получено из рук Творца. Отсюда, по А.Д. Синявскому, и прирожденная экзистенциальность русского народа, который ни над чем не властен, ничего не накопил, но готов идти до последнего в потере. Вместо пограничной ситуации – постоянная ситуация границы: «Все-таки самое главное в русском человеке – что нечего терять... И прямота народа: спяна, за Россию, грудь настежь! Стреляйте, гады! Не гостеприимство – отчаяние. Готовность – последним куском, потому что – последний и нет ничего больше, на пределе, на грани» [6, С. 321].

Для художественной публицистики периода эмиграции у А.Д. Синявского характерен экзистенциальный фатализм, который утверждает невластие человека над собственной сутью и судьбой. Исследуя творчество А.Д. Синявского другой писатель-эмигрант М. Эпштейн пишет, что «экзистенциализм Синявского имеет какое-то «народное» наполнение, заостряя не свободу самоопределения личности, а напротив, готовность человека всем поступиться, даже и личностью. Кто был никем, тот и останется никем, и экзистенциализм – это готовность сознательно принять истину своего небытия» [13, С. 211]. В публицистике А.Д. Синявского, часто присутствует постмодерная «пограничная ситуация». Такова статья «“Я” и “они”». О крайних формах общения в условиях одиночества» [10]. Пограничная ситуация описана с крайней степенью лагерного натурализма, автор описывает физиологические подробно-

сти существования в камерах-одиночках: «Представим человека, который много лет – десять, пятнадцать, двадцать (и впереди ему ничего не светит, кроме нового срока) – сидит в тюрьме, попеременно с лагерем» [10, С. 245]. Членовредительство, онанизм, гомосексуализм рассматриваются как изощренные формы общения в «пограничной ситуации».

Постмодернистский текст часто рассматривается как игра, ребус, который предлагается разгадать, часто для этого применяются формы «низких» жанров литературы, таких как массовый детектив, реклама, анекдот. Как последователь постмодернистского направления А.Д. Синавский осваивает «побочные» жанры. Его статьи «Анекдот в анекдоте» [5] и «Отечество. Блатная песня» [8] посвящены фольклорным жанрам, на которые автор обратил внимание, отбывая наказание в лагерях. Жанр и эпоха у писателя-эмигранта тесно взаимосвязаны: «...мы живем при анекдотах – в эпоху устного народного творчества, в эпоху процветания громадного фольклорного жанра» [5, С. 254]. Также обращается писатель и к жанру блатной песни: «Блатная песня. Национальная, на вздыбленной российской равнине ставшая блатной, то есть потерявшей, кажется, все координаты чести, совести, семьи, религии < ... > Когда от общества нечего ждать, остается песня, на которую все еще надеешься» [8, С. 269].

Широко известная и скандальная книга А.Д. Синавского «Прогулки с Пушкиным» [9] писалась в СССР в условиях лагерного заключения, однако была издана в Лондоне в 1975 году. Нападки на книгу в русской эмигрантской прессе не уступали тому, что советская пресса писала о Синавском-Терце во время судебного процесса. Автор уподобляет великого русского поэта «болонке при светских дамах». В частности, анализируются взаимоотношения А.С. Пушкина с женщинами. «Пушкину посчастливилось вывести на поэтический стриптиз самое вещество женского пола в его щемящей и соблазнительной святости», – пишет А.Д. Синавский [9, С. 14]. В лучших традициях детективной публицистики писатель-эмигрант предлагает различные версии ранних и поздних биографов поэта, причем у самого автора далеко не всегда самое положительное мнение о А.С. Пушкине. Сатирическое отношение к поступкам и событиям из жизни русского поэта граничит со сплетнями. Однако в какой-то момент А.Д. Синавский, как бы опомнившись, замечает: «Нас эти сплетни не интересуют. Нам дела нет до улик – будь они правдой или выдумкой ученого педанта, – лежащих за пределами

истины, как ее преподносит поэт, – тем более – противоречащих версии, придерживаясь которой он сумел одарить нас целой вселенной» [9, С. 11].

Критики отмечали влияние на Сашу Соколова Борхеса, Джойса, Набокова, Кафки, а сам писатель неоднократно подчеркивал: «Я ориентировался на Запад. Мои вкусы, как и вкусы многих писателей моего поколения, сложились под влиянием западных писателей» [1, С. 196]. Эмигрировав, Саша Соколов окончательно сложился как автор постмодернистского направления. В романе «Школа для дураков», принесшем Саше Соколову мировую известность, автор применяет «поток сознания» – метод, давно и хорошо известный на Западе. Этот речемыслительный процесс отчасти заменяет фабулу и сюжет: «Мама, мама, помоги мне, я сижу здесь, в кабинете Перилло, а он звонит туда, доктору Заузе. Я не хочу, поверь мне. Приходи сюда, я обещаю выполнять все твои поручения, я даю слово вытирать ноги у входа и мыть посуду, не отдавай меня. Лучше я снова начну ездить к маэстро. С наслаждением. Ты понимаешь, в эти немногие секунды я многое передумал, я осознал, что, в сущности, необыкновенно люблю всю музыку, особенно аккордеон три четверти. И-и-и, раз-два-три, раз-два-три, и-раз, и-два, и-три» [12, С. 146].

В интервью Дж. Глэду Саша Соколов признается: «...поток сознания – это просто прорыв плотины». [1, С. 194]. В эссе «Тревожная куколка» [11], опубликованном в журнале «Континент» в 1986 году, также наблюдаем «поток сознания»: «Осознав происшедшее, ощущаешь себя как бы жертвой случайной связи – связи эгоистических обстоятельств, времен. Ты словно облеплен весь паутиной, запутался в неких липких сплетениях, в некоей пряже. Проклятые Парки. Смотрите, как я спеленут, оуклен. Немедленно распустите. Мне оскорбительно. Где же ваше хваленое благородство. И муха ли я? Вы слышите? Видимо, нет. Во всяком случае – ноль вниманья. Неслышанно. В общем, типичное удовольствие ниже среднего» [11, С. 19]. Статья отличается постмодернистской маниакальной виртуозностью языка: «Я Неизреченное Слово. Я Слово, бывшее в начале начал. Я – немецкое да и зеркально затранскрибированное английское я. Я – аи. Я – я. Я – Он, Который утверждает: Я Есмь. Я Есмь, подтверждают поборники всесопряженья. Я – враг твой. Я – бич. Я – неволя, недоля и доля моя незабудка. Я – любит-не-любит. Я – стерпится-слюбится, слюбится-воспарится» [11, С. 19–20]. Избранность для читательского восприятия – та цена, которую готов пла-

тить автор, пренебрегая сюжетом и понятностью для массовой аудитории.

Признаки нескольких жанровых форм, как-то: мемуары, дневник, биографический очерк, эссе, некролог переплетены в постмодернистских публицистических текстах Э. Лимонова, который называет их некрологами. Э. Лимонов освоил жанр некролога, о чем говорил с гордостью и присущей ему эксцентричной маниакальностью. «В таком виде я представляю вам жизнь без подделки. Я демонстрирую вам итоги жизни. А они неутешительны для индивидуальных особей («физических лиц» — говорит неуклюжее государство): словосочетание «плохо кончил», увы, применимо ко всем, кто жил со мной на Земле», — пишет Э. Лимонов в «Книге мертвых» [3, С. 3]. Некрологи Э. Лимонова иногда шокирующие, иногда сатирически злые, натуралистичные. Он пишет о людях, известных в большей или меньшей степени, а также о своих родителях, знакомых, одноклассниках, бывших женах и любовницах. Сергей Довлатов, певица и писательница Наталья Медведева (она же бывшая супруга), православный поэт Александр Непомнящий предстают перед читателем с обыденной и не всегда хорошей стороны. О принципах этики и морали автор думает в последнюю очередь. Он с легкостью нарушает неписаное этическое правило: «О мертвых либо хорошо, либо ничего».

Таким образом, постмодернизм в публицистике писателей русского зарубежья стал элементом развития общемировой культуры. Для авторов-эмигрантов личный кризис во многом стал созвучен с кризисом постиндустриальной эпохи. В размытии не только географических и культурных границ, но и границ нормы, истины, идеала отразился кризис цивилизации во второй половине XX века. Постмодернистская публицистика А.Д. Синявского, Саши Соколова, Э. Лимонова осуществляла установку воздействия на сознание в крайних формах. Эпатирующие крайности и игра, полицитатность и монтаж цитат, фрагментарность сюжетов в их творчестве, производя сильное впечатление, одновременно предлагают «читать» и воспринимать мир как текст. Писатели-эмигранты, покинувшие советскую действительность, обратили внимание на способ выражения своих мыслей через язык, через своеобразную форму, придавая большое значение условности смешению в тексте разных стилей.

Список литературы

1. Глэд Джон. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. — М.: Книжная палата, 1991. — 319 с.
2. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. — М.: ОГИ, 2000. — 288 с.

3. Лимонов Э. Книга мертвых — 2. Некрологи. — М.: Изд-во «Лимбус пресс», 2010. — 384 с.

4. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1997. — 317 с.

5. Синявский А. Анекдот в анекдоте // Путешествие на Черную речку и другие произведения. — М.: Захаров, 1999. — С. 254–267

6. Синявский А.Д. Голос из хора // Собрание сочинений в 2 тт. — М.: СП «Старт», 1992, Т.1. — 671 с.

7. Синявский А.Д. Мысли врасплох. — Нью-Йорк: Изд-во и книжное агентство И.Г. Раузена, 1966. — 157 с.

8. Синявский А. Отечество. Блатная песня // Путешествие на Черную речку и другие произведения. — М.: Захаров, 1999. — С. 268–303

9. Синявский А. Прогулки с Пушкиным // Путешествие на Черную речку и другие произведения. — М.: Захаров, 1999. — С. 6–121

10. Синявский А.Д. «Я» и «они» (О крайних формах общения в условиях одиночества) // Литературный прогресс в России. — М.: РГГУ, 2003. — С. 244–254.

11. Соколов Саша. Тревожная кукла: эссе. Послесловие: А. Цветков. — СПб.: Азбука-классика, 2007. — 192 с.

12. Соколов Саша. Школа для дураков. Между собакой и волком. — СПб.: Симпозиум, 1999. — 347 с.

13. Эпштейн М. Постмодерн в России: литература и теория. — М.: ЛИА Р. Элинина, 2000. — 367 с.

References

1. Gljed J. Besedy v izgnanii: Russkoe literaturnoe zarubezh'e. Moscow: Knizhnaya palata, 1991. 319 p.

2. Kuritsyn V. Russkij literaturnyj postmodernizm. Moscow: OGI, 2000. 288 p.

3. Limonov E. Kniga mertvyh — 2. Nekrologi. Moscow: Izdatel'stvo «Limbus press», 2010. 384 p.

4. Lipovetskij M.N. Russkij postmodernizm. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta, 1997. 317 p.

5. Sinyavskij A. Anekdot v anekdote // Puteshestvie na Chernuyu rechku i drugie proizvedeniya. Moscow: Zaharov, 1999. 254–267 p.

6. Sinyavskij A.D. Golos iz hora. Sbranie sochinenij v 2 tt. Moscow: «SP «Start»», 1992, Vol.1. 671 p.

7. Sinyavskij A.D. Mysli vrasplokh. New-York: Izdatel'stvo i knizhnoe agentstvo I.G. Rauzena, 1966. 157 p.

8. Sinyavskij A. Otechestvo. Blatnaya pesnya. Puteshestvie na Chernuyu rechku i drugie proizvedeniya. Moscow: Zaharov, 1999. pp. 268–303.

9. Sinyavskij A. Progulki s Pushkinym. Puteshestvie na Chernuyu rechku i drugie proizvedeniya. Moscow: Zaharov, 1999. pp. 6–121.

10. Sinyavskij A.D. «Ya» i «oni» (O krajnih formah obshheniya v usloviyah odinochestva). Literaturnyj progress v Rossii. Moscow: RGGU, 2003. pp. 244–254.

11. Sokolov Sasha. Trevozhnaja kukolka: jesse. Posleslovie: A. Cvetkov. SPb.: Azbuka-klassika, 2007. 192 p.

12. Sokolov Sasha. Shkola dlya durakov. Mezhdubakoj i volkom. SPb.: Simpozium, 1999. 347 p.

13. Jepshtejn M. Postmodern v Rossii: literatura i teoriya. Moscow: LIA R. Jelinina, 2000. 367 p.

Рецензенты:

Звягина М.Ю., д.ф.н., доцент, профессор кафедры литературы Астраханского государственного университета, г. Астрахань;

Боровская А.А., д.ф.н., доцент, профессор кафедры литературы Астраханского государственного университета, г. Астрахань.

Работа поступила в редакцию 04.02.2013.